

кавшегося в самые разнообразные формы «неотмирности», ухода, бегства от мира. В новой нарождающейся теперь эре существования человек не только не стремится прочь из Истории, но наоборот: переживаемый всемирно-исторический момент характеризуется вхождением в Историю всех человеческих масс, всех основных пластов человечества. На исторические подмостки, на сцену, где разыгрывается эта священная драма Истории и куда раньше имели доступ лишь герои и цари, выходят целые народы, классы и слои населения, приобщаясь к участию в творчестве общей судьбы, к служению и осуществлению Общего Дела. В этом самое значительное явление современности. Его часто отмечают, из него исходят в построениях своих программ и тактических установок, но не понимают его высшего всемирно-исторического смысла. Этот грандиозный факт означает происходящую в мире историческую мобилизацию. В некоторой мере это проявилось в Русской Революции. И цель этой мобилизации — организация мира, творческое преобразование человеческого бытия. Вот эта цель преобразования мира человечеством вдохновленным новым высшим сознанием и должна явиться предметом грядущей Третьей Духовной Революции, идеалом нового высшего мирозерцания.

Бонапартизм Сталина

В предыдущем номере у нас было помещено письмо из России («Сталинские закулисы»), в котором приводились некоторые данные и предположения о возможных легальных преобразованиях советского строя в духе своеобразного сталинского «бонапартизма». Последовавшие потом изменения в своем направлении почти целиком оправдали содержание этого письма. Неизбежность завершения всякой революции — как малой, так и великой — тем, что во Франции получило наименование «бонапартизма», неоднократно доказывалась в литературе и политической, и исторической. Как известно, такого

же взгляда на исход нашей революции, как наиболее вероятный, держатся некоторые из наших левых, особенно меньшевики, превратившие его в жупел своей тактики. Мы вполне разделяем эти их опасения, ибо в этом именно с самого начала заключался **один из составных** моментов нашей тактической установки: военно-политический переворот **внутри системы** «рабоче-крестьянской власти» с перенесением гегемонии от диктаторского меньшинства, пролетариата к демократическому большинству — крестьянству, ибо «бонапартизм» это прежде всего армия, а армия это прежде всего, крестьянство. Крестьянство — социальная плоть всякого «бонапартизма», в России же — в особенности; тем более в момент войны, когда призванное к оружию, оно составило бы подавляющее большинство красной армии. Абсолютное большинство крестьянства в составе новой интеллигенции — общезвестно. Даже на последнем писательском съезде, согласно официальной статистике, на одних писателей-крестьян приходится 42,6%, тогда как на рабочих только 27,3%, на интеллигентов 18,4%. Кроме того и по своей характеристике крестьянство идеалистично, государственно, позитивно, что как раз и соответствует нашей концепции революции — пореволюционности, в противоположность материалистическому, анархическому, негативному пролетариату, носителю большевистской негативной стадии революции. А обладая подавляющим большинством населения, крестьянство в современной России одно склонно к свободному правовому порядку.

В тоже время совершенно очевидно, что большевистско-марксистская стадия революции уже окончательно изжита и революционные энергии созрели для переключения их в высшую заключительную, конструктивную стадию. Новая же фаза исторического бытия предъявит запрос на соответствующую доктрину, Идею — с одной стороны, а с другой — она должна искать своего так сказать социального антрепренера, реальный спрос которого совпал бы с идеальным запросом исторического момента. Таков, повидимому, один из наиболее простых приемов «хитростей разума» истории, которыми он обеспечивает тягловые средства развития. И здесь вот, что самое важное:

В современных условиях России крестьянство есть един-

ственный класс, не заинтересованный ни в реставрировании прошлого, ни в консервировании настоящего, — следовательно, оно единственный класс заинтересованный в новом будущем. Все прочие общественные группировки или консервативны, как теперь господствующий пролетариат, или реакционны, как прежде господствовавшие классы. Тем самым, крестьянство единственный **прогрессивный** класс, которому по пути с историей. Поэтому, в самом деле, не исключена возможность, что Сталин, который всегда умел опережать исторические процессы, ориентируясь по наиболее передовым из них, сменит в своих непрерывных поисках более устойчивого равновесия теперешнего, в конце загнанного пролетарского коня, на свежего и для сильной власти всегда надежного крестьянского коня. Сталин принадлежит к категории лиц — не насильников истории, каким был ограниченный доктринер Робеспьер, а исполнителей ее, каким был великий мелюз истории, Наполеон. Чтоб творить историю, надо подчиняться ее законам, — вот его реалистический постулат.

Торжество же Наполеона, «бонапартизма» во Франции это было торжество **разума** Революции над ее **доктриной**, когда последняя была превзойдена. То, что это торжество облеклось в некоторые военно-реакционные одежды следует отнести на счет **личности** Наполеона, с одной стороны и конкретной исторической эпохи — с другой.

Теперь же спросим себя, — не идет ли уже в настоящее время процесс развития наших событий в этом же направлении победы разума Революции над ее догмой. Последние изменения это подтверждают. Мы, конечно, не можем знать, **кто** явится тем конкретным лицом, которое в самом деле выполнит роль русского Бонапарта, да это и не существенно. «Бонапартизм» может быть и без Бонапарта, как, например, гитлеризм, т.е. национал-социализм мог бы воплотиться в совершенно ином лице, как «керенщина» могла получить совершенно иное возглавление. «Бонапартизм» это не лицо, — не следует вульгаризировать события, это определенный исход Революции. Поэтому уже победа Сталина над Троцким была частичным осуществлением тенденции бонапартизма, ибо это и была некоторая победа разума Революции над ее изжитой догмой, прогрессивной ее

тенденции над консервативной. «Перманентная революция» Троцкого это лишь «перманентное» состояние одного и того же, ибо им не указываются новые цели, нужные для дальнейшего развития революции, но которые за то означали бы отказ от старых доктрин, от прежних стадий революции, как превзойденных. Перманентная же революция без новых и новых целей, диалектически преодолевающих ее самое, это ни что иное как «бег на месте», консерватизм движения, т.-е. нелепость.

Но, конечно, неизмеримо большее значение, если не органическое, то симптоматическое, имеют последние изменения в политике теперешнего партийного руководства: реабилитация таких щекотливых и «опасных» понятий, как понятия «родины», «отечества», все больше и большее закрепление личного характера власти Сталина, некоторые ограничения марксизма и «политграмоты» и нормализации культуры, жизни и творчества, перенесение центра тяжести политики на внутренние и государственные интересы за счет революционных интересов интернационализма и т. п. Если бы произошла война, она лишь необыкновенно ускорила бы эти сдвиги, сконденсировав их в однократный переворот. По началу это был бы военно-политический переворот в пользу призванного под ружье и подавляющего в своем числе крестьянства, потом дальнейшее развитие и стабилизация переворота могли бы пойти лишь в направлении **третьего пути**, третьего решения, **синтеза**, в направлении, следовательно, некоей «Третьей России». Ибо «первый путь» — путь реакции, «второй» — путь консерватизма — ни тот, ни другой не приемлемы для **неостановимого** и **необратимого** исторического процесса.

Но если бы это случилось и грандиозные революционные энергии, освобожденные от разлагающей и подавляющей их марксистской догмы были переключены, как это и произошло во Французской Революции, во внешне-политический энтузиазм, то быть может миру предстало бы зрелище военно-политического величия, перед которым побледили бы триумфы наполеоновского величия революционной Франции.

Бережной С.